

способном возрасте, особенно несовершеннолетних). В целом за 2006 г. потребность в работниках для замещения свободных рабочих мест, заявленная в органы службы занятости предприятиями и организациями района, по сравнению с 2004 г. снизилась на 2,2% и составила 270 рабочих мест.

Библиографический список

1. Закон Алтайского края «О Программе содействия занятости населения Алтайского края на 2001-2005 гг.» // Алтайская правда. 2001. № 185.

2. Конституция Российской Федерации. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2003. 48 с.

3. Состояние занятости населения: методическое пособие для проведения мониторинга (Письмо Федеральной службы по труду и занятости «О разработке Программы содействия занятости населения Алтайского края на 2006-2008 гг.» от 11.10.2005 г. № 01-17/04-01-1771).

4. Состояние рынка труда Алтайского края в 1 полугодии 2005 года // Федеральная служба по труду и занятости. Барнаул, 2005.

5. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями от 22 августа 2004 г.).

УДК 33.001

Р.Х. Тугуз

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИДЕОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Концепция и практика деидеологизации экономической теории была подвергнута острой критике в статье В.А. Шешина «Об идеологической функции экономической теории» [1]. Четко обозначенная и аргументированная позиция автора позитивно провоцирует на ответную критику и делает данную статью хорошим отправным пунктом для дальнейшей научной дискуссии.

В.А. Шешин обосновывает необходимость реидеологизации экономической теории по определенной логической схеме, в которой можно выделить семь ключевых пунктов.

Во-первых, экономическая теория, как и всякая другая социальная наука, в принципе «не может быть деидеологизированной и аполитичной» [1, с. 7].

Во-вторых, в современном мире существуют два основных класса (эксплуатируемые наемные работники и эксплуатирующие их капиталисты), соответственно, две основные идеологии и два основных течения экономической теории (политическая экономия и экономикс).

В-третьих, сторонники «политической экономии» честно признают идеологиче-

ский характер своей науки и открыто отстаивают интересы эксплуатируемых людей наемного труда. А вот сторонники «экономикс» в большинстве своем лукавят, утверждая, что их наука свободна от идеологии, но на самом деле обслуживают интересы эксплуататорского класса капиталистов.

В-четвертых, каждому экономисту придется четко определиться со своей идеологией, поскольку противоборство двух классов, двух идеологий и двух названных течений экономической теории неизбежно, а «стоять над схваткой» не получится.

В-пятых, для российского ученого предпочтительнее нравственный выбор в пользу той идеологии, которая защищает интересы «большинства населения — людей наемного труда» [1, с. 8].

В-шестых, четкое определение идеологической позиции ученого не противоречит его научной добросовестности и не исключает истинности результатов его исследований.

В-седьмых, наиболее видные и дальновидные представители «политической экономии» и «экономикс», признавая

реальность идеологического противостояния, не отрицают наличия позитивного научного потенциала у каждой из противоборствующих сторон. В подтверждение этой мысли В.А. Шешин цитирует, с одной стороны, Л.И. Абалкина, с другой, - Марка Блауга.

Конечно, можно поставить под сомнение каждый пункт. Но можно с каждым пунктом и согласиться. Можно выдвинуть упрек в чрезмерном упрощении ситуации. Но можно восхищаться простотой и ясностью биполярной модели общества, которая дает фундаментальное понимание бесконечно сложной реальности. Каждый из перечисленных семи пунктов является предметом давнего и все еще незавершенного спора. Поэтому почти невозможно высказать какое-нибудь весомое возражение, которое не оказалось бы трюизмом.

Ограниченный объем статьи не позволяет уходить в область сложнейшей полемики об интерпретации социальной стратификации современного общества и об оценке роли идеологии в формировании социальной солидарности и социальных конфликтов. Поэтому попробую условно согласиться со всеми пунктами аргументации В.А. Шешина и мысленно представить себе реидеологизированную экономическую теорию в действии.

Как повлияет на эффективность научной и преподавательской деятельности экономиста нравственный выбор идеологической позиции? Как повлияет на качество экономического образования появление учебников по политической экономии, ориентированных на выполнение идеологической функции?

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к богатому историческому опыту развития экономической науки в Советском Союзе, когда идеологическая функция всех общественных дисциплин не только декларировалась, но и реально осуществлялась. Советские учебники политической экономии постоянно напоминали студентам, что «буржуазные экономисты тщательно скрывают партийность своих теорий, пытаются представить себя стоящими вне классов, на деле же они служат корыстными интересам эксплуататорских классов. Марксистско-ленинская политическая экономия открыто выражает и

открыто выражает и защищает интересы рабочего класса и всех трудящихся масс» [2, с. 23]. Советские политэкономы последовательно и усердно выполняли свою идеологическую функцию, вооружившись «единственно научной политической экономией, освещающей путь всему человечеству к вершинам подлинного прогресса» [3, с. 27].

Но, как говорится, критерий истины - практика, а факты - упрямая вещь. Фактический вклад советских политэкономов в мировую экономическую науку оказался равен нулю. Более того, при всем своем идеологическом рвении опекаемые социалистическим государством советские обществоведы не смогли внести никакого существенного вклада даже в развитие марксистско-ленинской экономической теории. Профессор А.Г. Худокормов изложил этот исторический урок в форме максимы: «Чем более прямолинейно теория отвечает интересам правящей элиты, тем увереннее можно предположить, что она не научна» [4, с. 590].

Единственный советский лауреат Нобелевской премии по экономике Л.В. Канторович принципиально дистанцировался от идеологической борьбы и позиционировал себя как представителя математического направления в экономике. Он всегда весьма уважительно относился к своим западным коллегам и не видел в них классовых врагов и фальсификаторов. Более того, он по мере возможностей беспощадно критиковал именно наших политэкономов за их «математикобоязнь». Вот слова из выступления Л.В. Канторовича на собрании АН СССР в 1959 г., в котором он высмеивает идеологическое многословие и экономический непрофессионализм всей советской политической экономии.

«Известно, что человек часто более неприязнителен к пище, чем животное. Здесь любопытным образом обнаружилось сходное явление по отношению к духовной пище. Оказалось, что машина не переваривает никакой научной продукции наших экономистов. Те длинные лекции на экономические темы (или статьи), которые люди спокойно выслушивали, читали и думали, что понимают, оказалось невозможным использовать. При попытке придать им необходимую для введения в машину логико-мате-

матическую, алгорифмическую форму ничего не получилось. Оказалось, что после удаления рассуждений общего характера, иногда и содержательных, но относящихся к философии или политике, а не к собственно экономике, а также после удаления всей «воды» либо вообще ничего не остается, либо остается большой вопросительный знак — постановка нерешенной проблемы» [5, с. 280].

Л.В. Канторович прямо указывал на теоретическую несостоятельность и практическую бесполезность научной деятельности советских политэкономов: «Очень поучительным для характеристики положения в экономической науке является и то, что, не получая ничего от экономистов, за решение таких экономических вопросов, как эффективность капитальных вложений, рента, вынуждены братья гидротехники, энергетики, транспортники, строители, геологи, химики» [5, с. 280].

Очевидно, наши политэкономы были настолько сконцентрированы на идеологической борьбе, что до собственно экономических проблем руки у них совершенно не доходили. Объем идеологической работы был действительно огромен, поскольку приходилось критиковать и опровергать практически все достижения мировой экономической науки.

Разумеется, научная критика необходима ученым подобно тому, как скальпель необходим хирургу. Но идеологическая критика - это нечто наподобие скальпеля в руках маньяка. Чтобы убедиться в этом, достаточно увидеть, как убийственно бездумно критиковался советскими политэкономом Джон Мейнард Кейнс: «...теория Кейнса дает ложное представление о капиталистической действительности»; «...теория Кейнса извращает подлинный характер капиталистического воспроизводства»; «...Кейнс маскирует подлинные причины кризиса и безработицы»; «...теория Кейнса носит явно апологетический характер»; «Кейнс дает ошибочную трактовку ссудного процента»; «...теория Кейнса не только маскирует суть капиталистической эксплуатации, но и направлена на ее усиление» [6, с. 260-261].

После такой идеологической экзекуции пропадает всякое желание возражать голословному и безапелляционному утверждению, что «одна из важней-

ших категорий теории Кейнса - мультипликатор - по своей сути антинаучен» [6, с. 261]. Ничего удивительного, что в нашей большой стране не нашелся ни один политэконом, который выступил бы в защиту кейнсианства.

Как показывает история, самые большие издержки идеологии любой науки связаны с тем, что кардинально изменяется смысл общения между учеными, изменяется стиль научных споров, дебатов, дискуссий и взаимной критики. Любая идеология разделяет в сознании ученого все научное сообщество на классовых врагов и товарищей. Друзья становятся дороже научной истины. Выявление ошибок трансформируется в разоблачение лукавства. Обсуждение научных заблуждений превращается в осуждение преднамеренных фальсификаций. Деликатная критика заменяется беспардонной руганью. Малейшие возражения вызывают бурное возмущение. Эмоции затмевают разум. Идеологическая функция задает столь высокий накал в общении между экономистами, что вода из котла научной полемики выкипает и испаряется раньше, чем успевает свариться духовная пища для дальнейших размышлений.

Идеологическая борьба вредна не только своей огульной критикой врагов, но и своим запретом на критику друзей. Если кто-то решается на критику своего идеологического начальства, то он легко и быстро становится «чужим среди своих», получает ярлыки типа «иудушки», «предателя», «врага народа».

История развития марксизма представляет собой яркую иллюстрацию того, как малейшие трения среди единомышленников приводили к идеологическим расколам и безудержному размножению альтернативных идеологических течений: ленинизм, ревизионизм, оппортунизм, троцкизм, маоизм и так далее. История марксизма показывает, как легко ближайшие соратники по идеологии становятся заклятыми врагами, причем не потому, что изменили своим классовым принципам, а просто потому, что поспорили по какому-то второстепенному вопросу и затаили друг на друга обиду.

Это происходило и до прихода марксистов к власти. Вспомним их непримиримый раскол на большевиков и мень-

шевиков. Это происходило и после прихода марксистов к власти. Вспомним, как советские коммунисты называли своих китайских товарищей фашистами, а китайские коммунисты называли своих советских товарищей социал-империалистами. Но на самом деле никто из них даже и не собирался переходить на классовые позиции буржуазии. Более того, в этом затяжном идеологическом противостоянии каждая сторона конфликта постоянно заявляла о своей приверженности учению Маркса и Ленина.

Подводя итоги кратких исторических экскурсов, можно выделить, по крайней мере, два принципиальных и, наверно, неустранимых недостатка идеологической функции.

Во-первых, в интеллектуальном аспекте исходная установка на борьбу с идеологическим врагом заставляет ученого постоянно подозревать своих оппонентов в каких-то нечестных трюках и подвохах. Поэтому идеологизированный ученый никогда не согласится с доводами другой стороны, никогда не признает свою ошибку, даже если она становится очевидной.

Во-вторых, в психологическом аспекте ученый оказывается в ситуации эмоционального напряжения, вызванного страхом проигрыша в идеологическом споре и потери уважения в глазах единомышленников. Поэтому он легко срывается на голословную критику, крики и ругань, которые заглушают разум и позволяют бесконечно долго не только не признавать своих ошибок, но даже и не замечать их.

Деидеологизация, по сути, создает более благоприятные интеллектуальные и психологические условия для ведения продуктивных научных дискуссий, ориентированных на совместный поиск истины. Деидеологизированный ученый способен спокойно анализировать направленную в его адрес критику и даже менять свои убеждения, если доводы оппонентов ему покажутся достаточно убедительными. Он видит в логически обоснованном изменении собственных мнений и взглядов проявление своего интеллектуального развития. Идеологизированный ученый, напротив, ценит абсолютную твердость в своих убеждениях, поскольку любое изменение взглядов ассоциируется у него с беспринцип-

ностью и изменой в непримиримом классовом противоборстве.

Не секрет, что движущей силой профессионального роста каждого ученого и развития всей науки в целом всегда были и будут плодотворные научные дискуссии, диспуты, конференции, в которых доминируют доброжелательная взаимная критика, направленная на поиск новых истин, и отказ от устаревших концепций. Продуктивность научной полемики зависит от степени готовности ученых без подозрений и предвзятости уважительно относиться к своим оппонентам, внимательно выслушивать их аргументы, стремиться понять иные точки зрения, честно признавать свои ошибки и искренне благодарить тех, кто помог их обнаружить.

Развитию науки не могут не мешать идеологические установки, внушающие ученым высокомерную убежденность в собственной непогрешимости, безупречной нравственности и причастности к учению, которое «всесильно, потому что оно верно». Ситуация значительно ухудшается, когда появляется государственная идеология. Тогда все общественные науки неизбежно превращаются в огромные механизмы идеологической пропаганды, а ученым отводится в них функция маленьких бездумных винтиков.

Переход от анализа истории к анализу современности позволяет легко обнаружить парадоксальное явление. Российские преподаватели экономической теории до сих пор остаются все такими же «маленькими винтиками», какими они были в советское время. Бюрократический механизм идеологической пропаганды разрушен де-юре. Но де-факто полностью сохранился в менталитете и образе действий всех участников образовательного процесса. Он пережил все перестройки и реформы. Адаптируясь к новым реалиям, он легко развернулся на 180°. Можно предположить, что современный каток пропагандистского стиля мышления, теперь уже двигаясь в противоположном направлении, будет точно так же давить под собой ростки свежих научных идей (если они появятся) и утрамбовывать их в асфальт новых идеологических штампов.

Если раньше всем нам было «приказано» бездумно критиковать экономикс,

то теперь «рекомендовано» столь же бездумно его преподавать. Сегодня экономикс «вне критики», потому что защищен в сознании преподавателей действующими государственными образовательными стандартами отнюдь не хуже, чем марксизм был в свое время защищен постановлениями партии и правительства о преподавании общественных наук.

Все дело в том, что внутри почти каждого российского преподавателя живет робкий чеховский учитель Беликов. Он, разумеется, знает что-то о своих правах и академических свободах. Но внутренний голос тихо шепчет ему на ушко: «Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да как бы чего не вышло» [7, с. 223]. В бюрократизированном российском педагогическом сознании, с характерным для него бумажным отношением к делу, государственный образовательный стандарт играет роль того самого футляра, в который удобно прятаться от собственных сомнений.

На первый взгляд может показаться, что ныне действующие образовательные стандарты по экономической теории деидеологизированы, поскольку в них нет явного требования критики идеологии социализма и марксизма. Но если задуматься, то нельзя не увидеть, что это очень похоже на один из известных приемов идеологической пропаганды, который уничтожает своих оппонентов не критикой, а простым замалчиванием их научных идей.

Следует заметить, что наше научно-преподавательское сообщество быстро адаптировалось к новым условиям работы. По всему спектру экономических проблем бурным потоком пошли публикации, в которых уже никто никого не критикует, потому что все черпают свою мудрость из одного и того же «священного» первоисточника, имя которому «мейнстрим». Научные доклады и статьи современных российских экономистов, как правило, представляют собой слегка перефразированные компиляции из многообразных по форме, но однообразных по сути учебников. Наши ученые теперь не только не критикуют друг друга, они уже почти и не читают друг друга, поскольку заранее

уверены, что не обнаружат в новой публикации для себя ничего нового.

Если раньше бдительное партийное руководство неизбежно принуждало советских экономистов к активной пропаганде социализма, то теперь российские экономисты, руководствуясь лишь внутренней самоцензурой, как правило, добровольно избегают любой критики в адрес капитализма. Вполне возможно, что такое добровольное единодушие в безоговорочном и некритичном принятии российской модели капитализма будет тормозить развитие экономической науки в нашей стране не в меньшей степени, чем раньше это делало принудительное единодушие в безоговорочном и некритичном принятии советской модели социализма.

Библиографический список

1. Шешин В.А. Об идеологической функции экономической теории / В.А. Шешин // Вестник Алтайского государственного университета. 2007. № 1. С. 5-8.
2. Курс политической экономии: учебное пособие для экономических вузов и факультетов. В 2 т. / под ред. Н.А. Цаголова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Экономика, 1970. Т. 1. 760 с.
3. Политическая экономия: учебник для экономических вузов и факультетов. Т. 1. Капиталистический способ производства / А.М. Румянцев, Г.А. Козлов, А.Г. Милейковский и др. 5-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982. 558 с.
4. История экономических учений: (современный этап): учебник / под общ. ред. А.Г. Худокормова. М.: ИНФРА-М, 1998. 733 с.
5. Канторович Л.В. Проблемы эффективного использования и развития транспорта / Л.В. Канторович; под ред. В.Н. Лившица, Н.В. Паенсон, Е.В. Тихомирова. М.: Наука, 1989. 304 с.
6. Критика антимарксистских теорий в курсе политической экономии: учебное пособие для высших партийных школ / под общ. ред. В.С. Афанасьева и Г.Н. Сорвиной. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1983. 552 с.
7. Чехов А.П. Человек в футляре / А.П. Чехов // Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: Правда, 1985. Т. 9. С. 221-234.

